

Николай Антропов

Молитва «Гранд-Каньон»

Николай Антропов

Молитва «Гранд-Каньон»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22759350

ISBN 9785448366314

Аннотация

Настоящее издание является первым сборником стихов Николая Антропова. Представленные здесь произведения разнообразны и зачастую противоречивы. Именно таким – сложным, неоднозначным, полным намеков и бередящих душу образов – предстает перед нами мир поэта. А иллюстрации Светланы Американцевой помогают проникнуть в самую сердцевину этого необыкновенного мира, увидеть глазами поэта неуловимое и услышать его ушами шепот самих слов.

Содержание

Волей Божию поэт	8
Царство Небесное 2016 год	13
«Со мной ничего не случилось...»	13
Vaе victis1	14
Волки-ветры	17
Последняя станция	19
Небесная Вдова	20
Короб	21
Колыбельная «Заговор на сон»	23
Седой Якут	24
Решетки замыслов	26
Сбудется!	28
Калейдоскоп	30
Четвертая стена	32
«Я тону, тону, тону...»	34
Йом2 Эхад3	36
Молчание ягнят	38
Эффект бабочки	40
«Отбой по флоту, Ушаков!..»	42
«Серебрится путь от дома...»	44
Перстень	45
«Я и тобой проживу...»	47
Моление о Чаше	50

Аквилон	53
День Великого Огня	54
Евхаристия	56
Архангел	58
Притча	59
Игрушка Молчания	61
Полет Валькирий	64
Жимолость	66
Завещание	67
Царство Небесное	69
Котлован	72
Лучший	76
Тень Песка	78
Фотиния	80
Люция	84
Рождественское Чудо	88
Продавец пустоты	92
Зодчий	92
Джонатан Ливингстонб	94
Луна в кольце	96
Угрюм-Река	98
Голубь	100
Великая красота	102
Бабье лето	107
«На карту мира я поставил жизнь...»	110
Исход	111

Продавец Пустоты	112
Забывтый полк	115
«Услыши меня, мати моя!..»	117
Краеугольный ребенок	119
Третье пространство	123
Духовный Стих	126
«Я видел, Солнце затмевало!..»	129
«Прошла веселости весенняя пора...»	130
Лебединая песня	132
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Молитва «Гранд-Каньон»

Николай Антропов

Иллюстратор С. И. Американцева

Редактор Е. А. Галимзянова

Выпускающий редактор А. М. Шабловская

© Николай Антропов, 2018

© С. И. Американцева, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4483-6631-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Господи, Свободи мя от оков смертельных, Ран
нательных! На наковальне небесной Сотвори мне,
Кузнец, меч веры, щит терпения, кольчугу истины!
Огненные меха Раздуй в печи сердца моего, дабы
от избытка Устами младенца глаголить. Ополосни
слезами прощения Рукоять меча моего. Остуди
ледяным ковшом геенну страстей Мирских. Надень
на мя доспехи утешения семи достославных Святых
(имена). И приему я смерть – смертию смерть поправ
по Велицей милости Твоя. В руках Твоих – дух мой,
подножие стоп Твоих – кости моя, В книге Твоей –
имя мое. Душа моя – награда Твоя. Огради мя от сна

ледяного.

Осени ум мой! Даруй живота мне! Укрепи дух мой!
Истинно так! Все будет так!

Н. Антропов

Волей Божию поэт

Художественный мир поэта сложен, а для неискушенного читателя может показаться непонятным, «заумным». Но не пугайся, дорогой читатель, окупись в волшебный мир «чувств и дум», пройди вместе с автором по страницам вековой истории, вдохни аромат древних цивилизаций и ты почувствуешь, как обогатился сам, делая открытия в «краю великих вдохновений».

Перед нами интеллектуальная поэзия, свидетельствующая о широком кругозоре, начитанности. Исходной позицией поэта служит память о культуре прошлых эпох. Диалог культур, поэтика ассоциаций, обостренный интерес к творчеству гениальных предшественников – характерная особенность дарования Николая Антропова.

Поэт не случайно уподобляет свои стихи шарадам – это своеобразная игра с читателем, заставляющая его отыскивать источники, искать подтексты, расшифровывать поэтические иносказания. Стихи Антропова требуют от читателя сотворчества, вдумчивого отношения, как стихи А. Блока, М. Цветаевой, Н. Гумилева. И не случайно именно поэзия Серебряного века волнует автора: пытаюсь переосмыслить прошлое, он хочет сформулировать собственный закон творчества.

Виртуозность, артистизм в поэзии, как и умение перево-

площадью на сцене, завораживают. Поэт выступает во многих лицах, его лирический герой всегда в активной позиции: «Я – Робеспьер, гроза французских сходок!», «Я – Гамлет», «Это я – Данте Алигьери! Ходил за черту к Беатриче».

В стихах Антропова сквозит дух эллинизма и Рима, неповторимость эпохи Возрождения, романтика и драматизм французской революции, великие потрясения XX века. Его героями, собеседниками и друзьями становятся исторические личности и современники. В попытке связать все временные пласты от античности до современности проявляется стремление молодого поэта понять, оценить жизненные реалии и найти свое лицо в настоящем мире.

Размышляя о жизни, о вечности, путешествуя в пространстве и времени, поэт как бы гипнотизирует пространство, борясь с пустотой. Его лирический герой вырывается в звездные миры и глазами Создателя смотрит на необозримый горизонт, который несоизмерим с вещным миром.

Полумесяц хлебает из чаши Весов
Андромедный нектар ста Возмездий.
И канат Немезиды края полюсов
Натянул на экватор Созвездий.

Многие стихотворения Николая Антропова проходят под «знаком смерти». В сознании художника смерть соотносится с картинами Страшного суда, возмездия.

Страшный суд на тень Армагеддона
Девять язв прольет. И нощный мрак
Осенит мой путь...

Трагические, тревожные мотивы отражают трагедию бытия. Чуткий поэтический слух воспринимает окружающий мир на грани вселенской катастрофы.

Неужели восходы багровой и злей?
Неужели магниты тлетворны?
Мы как дикие Сирины звездных полей
Проклевали небесные зерна.

Воспринимая жизнь в ее мрачной безысходности, поэт ищет возможность иного исхода – в попытке преодоления губительной судьбы.

И руками трогать высь колосьев
Мне никто не запретит из сих людей.
Разомкните золотые оси —
Эльдорадо световых путей.

Поэтический мир Николая Антропова возвышенный, романтический, но в то же время земной, узнаваемый, близкий. Это великий дар – превращать обыденность в поэзию. Какой бы темы ни касался автор, на первом месте для него всегда стоят извечные истины.

Оплывают медовые свечи,
На подсвечнике стынут и вновь
Шепчут в мраке: «Вечны, вечны
Только Вера, Надежда, Любовь...»

Поэт многие свои стихи посвятил войне, Родине. С пронзительной достоверностью передается ощущение войны как «противного всей человеческой природе события». Простые солдаты, матросы – это живые люди, для которых война – тяжелый, страшный труд.

А песни разрывов, в траншеях
Легли.
Усыпаны горстью горячей
Земли.
Пропахнутых кровью и потом
Навеки.

Бьющая прямо в цель эмоциональная сила стихов, темперамент, искренность чувств, нравственный максимализм, умение «слышать время», богатство художественной выразительности – все это говорит о большом даровании. Николай Антропов – волей Божью поэт.

Н. Н. Долматова, 2004 г.

Царство Небесное 2016 год

«Со мной ничего не случилось...»

Со мной ничего не случилось,
Со мной ничего не стряслось...
Исповедь в угол забилаь
Испуганных детских слез...
Исповедь – белая нитка
На черной пуговке глаз
Шевелит уста от избытка
Сердца, что теплится в нас...
Со мной ничего не случилось,
Со мной ничего не стряслось...
Просто насквозь все сбылось!
Просто все сбылось насквозь!

Vae victis¹

Я долго с ним бок о бок жил.
Пришла пора расстаться.
Меня он славно закружил
В своем смертельном танце...

То ворожил, то в пот бросал.
По букве и закону
Моей рукою написал
Рогатую икону...

От «а» до «я» мой алфавит
Вдоль-поперек исхожен...
Но взор его меня пленит,
Как блеск клинка из ножен...

Скрипичный ключ скрипит в замке
Его бездушных скважин...
А он несется по строке —
Безумен и бумажен!

Куда не двинусь – ходу нет,
Нельзя остановиться...
Со мной встречает он рассвет

¹ Vae victis (лат.) – горе побежденным.

Безмолвием провидца...

Колеса молний за окном
Глухую ночь тревожат...
И вновь мой запустелый дом
К ногам его низложат...

Перечеркну себя опять,
Кристаллы глаз померкнут...
Над мной рогатую печать
Когтями держит беркут,

Подобно нимбу и венку,
Подобно цезарю...
Vaе victis! Я несую строку
Твою – в венце зарю!

За каждым шагом – тень побед.
Ложится день в ладонь,
Как дань, как гвоздь, как белый свет —
Победоносный конь!

Я заклинаю: «Отступись!»
За каждым шагом – мрак!
Копье Георга, словно рысь,
Грызет змею бумаг!

В лучах веселые войска
Уже на смерть идут,

И впитывает кровь строка
Сквозь решето минут...

Предрешено! Играют туш!
И кистью богомаз
Икону пишет наших душ
В свечах бездушных глаз...

Час полотна настал. Идут
Войска на смертный бой,
Ряды смыкаются в редут...
Пришла пора с тобой

Расстаться, сделать верный шаг
Сквозь вечность и снега...
Vaе victis в шепоте бумаг!
Сними с меня рога!

Волки-ветры

Ели плоть мою, пили кровь мою
Волки вольные, ветры встречные...
Словно меченный да не вечный я,
Нараспашку весь – на краю стою...

До костей продрог у семи дорог,
У семи холмов, у семи ключей...
Словно меченный да уже ничей,
Нараспашку весь – вышел за порог.

Вышел погулять, песню затянуть,
Узел завязать да в куплет сложить.
Словно меченный, обреченный жить,
Нараспашку весь – врос корнями в путь.

Воет пес-судьба на вину свою,
Жметя пес к ноге обездоленно...
Словно меченный мечом воина,
Нараспашку весь – в поле я стою.

Я стою один. Кровь течет со лба,
В тридцать три ручья – капли-вороны,
Словно песнь ничья – во все стороны,
Нараспашку вся – вышла в ночь судьба...

Не пророчь мне путь, дай мне отдохнуть!
Твои слезы – жемчуг на шее моей...
Словно чья-то плоть посреди камней,
Словно чья-то кровь запахла грудь...

Волки вольные, ветры встречные!

Последняя станция

Когда она мне скажет «нет»,
Я в дар возьму ее отказ.
Я вижу, как струится свет,
Зеленый свет прозревших глаз...
Зеленый свет – свободный свет.
Зеленый свет – болотный мрак.
Ты оставляешь первый след.
Я делаю последний шаг
На красный свет иных планет,
На желтый свет слепого «да».
Когда она мне скажет «нет»,
Сойду на станции Беда...
Беда, которая за мной
Ходила по пятам и в час
Разлуки обняла рукой,
В час встречи разделила нас...
Покинь меня! Мой камень – хлеб!
Покинь меня! И отсеки,
Как берег от чужой реки,
Куда смотрел я и ослеп.

Небесная Вдова

Я счастлив, когда слышу музыку слов...
Когда шум волны тоньше шелеста трав...
Когда стебель Сна выше дерева Явь...
Когда сеть смертей порождает улов...
Когда рыбы вверх по течению плывут...
Когда размывает следы на песке...
Когда моя жизнь висит на волоске...
Когда на песочных часах нет минут...
Я счастлив тогда, под сугробом травы...
Я счастлив, как ива, склонившись к воде...
Мое отражение – контур в Нигде...
Мое поражение – шепот Вдовы...
Я счастлив, когда слышу мир языка...
Я счастлив, когда обнажается меч...
Я счастлив тогда, когда в силах сберечь
Все то, что Теперь и Сейчас на века!

Короб

Ты не печалься обо мне!
Давно я умер. Пой, сестричка!
И помни, что Господня спичка
Вновь расцветет в моем огне!
Война войной! За бранью брань.
Тащи мой труп из всех окопов!
И в рану посади герань,
И дай название ей Антропов.
Пой имя, но не воспевай!
Пусть на кресте скрипит табличка...
Огонь зацвел, и грянул май
Победой, как Господня спичка!
Вечный костер горит в груди
Окопов, где лежат костями
Такие же, как я, горстями...
Не поднимай нас... Не буди...
И не печалься, только пой
Щемящей радостью о встрече,
Где суждено нам быть с тобой
Живым огнем родимой речи!
Ручей свечи, словно сверчок,
Что пойман в коробок навеки,
Где хлынут огненные реки!
Я спичкой был, я стал – смычок!
Играй, Вселенский Дирижер!

Пожар в очах Твоих томится,
И музыка, как колесница,
Несется сквозь предвечный хор!

Колыбельная «Заговор на сон»

В сон умри, сестричка!
В свет проснись, сестра!
Жизнь твоя, как птичка,
Бьется у костра.
А костер не дышит,
Птичка не поет...
И никто не слышит,
Как вода цветет...
В сон умрет – воскреснет!
В явь умрет – беда...
Лед под нею треснет, —
Крылья пьет вода...
Спи, сестра-сестричка,
Невеличка, сон —
Это та же птичка,
Где есть ты и Он.

Седой Якут

Никогда не бывает поздно!
Помни мои слова:
Не умирают звезды,
Не умирает трава.

Свет одиноким маячит.
А под сугробами сна
Слезами зелеными плачет
В первых ростках весна.

Тонким побегом пробьется,
Словно ребенок на свет,
Из черного чрева солнце,
Чтобы оставить след.

След по земле – на память,
След по воде – поверь
В то, что все можно исправить,
Если открыть только дверь.

Ключ поверни направо!
Прямо смотри, вперед!
Пусть позади все ржаво!
Пусть позади все лед!

Пусть! Отпусти! Там пусто!
Порох промок. Столбы
Солью покрылись, хрустом
Таежных шагов судьбы!

Там не бывает поздно!
Помни мои слова:
Не умирают звезды,
Не умирает трава.

Круги по воде разойдутся,
Следы по земле утекут.
Залпом нас выпьет из блюда
Солнца седой якут!

Решетки замыслов

Проход открыт! Скорей! Скорей
Бери меня! Я твой навеки!
Нет окон, люков и дверей,
Есть только реки!

Решетки замыслов долой!
Дома в дыму, замки, ворота...
И замки залиты водой...
Есть только Кто-то!

Кто-то невидимый внутри...
Кто-то невидимый снаружи...
Есть сентябри и октябри,
Есть только лужи...

За ними стужа, лед и злой,
Веретену подобный ветер,
Который гонит голос мой
Наотмашь в сети!

Лети! Лети! Проход открыт!
Скорей! Скорей! Не жди знамения!
Здесь Кто-то был вчера убит
До воскресения...

Решетки замыслов пусты!
И Этот Кто-то стал сегодня
Голгофой общей: я и ты —
Река Господня!

Сбудется!

Холодная ночь, тревожная.
Пурга. Замело дорогу.
Ветрами она исхоженная —
Залетная гостья к Богу.

Голодная стая. Метелица.
Простыли следы. Заблудится
Душа – ветряная мельница...
Гадай по губам. Все сбудется!

В костях ледяная конница
Вьет гнезда из звездного кружева,
И кружится ночь-покойница
Под музыку званого ужина.

Прогорклый снежок стал коркою.
Скрипит на зубах калиткою.
Душа – это песня горькая.
Гадай по губам белой ниткою!

Кишит муравейник под кожей —
Живая, морозная исповедь...
Ведь истину – бусину Божию
Гадают губами неистово...

Слепая, студеная, волчья,
Гонимая стая ветрами,
Верни мою душу ночью,
Разгаданную губами...

Целую порог припорошенный...
Посыпались бусины в блюдце...
Шевелятся губы-коршуны...
Шевелятся губы: «Сбудется!»

Калейдоскоп

Средь одиноких бурых скал
Я гибели себе искал...
Был шум великих вод и вой!
И в них я слышал голос Твой:

«Сын человеческий, смирись
Средь волн бушующих и скал,
Где гибели себе искал!»
И вторила Ему вся высь...

Я видел сонмы облаков
И легионы черных туч
В борьбе за первенство и ключ
От всех дверей и всех замков.

И луч подобен был копьёю,
Пронзающему грудь небес...
И стрелы молний Песнь Твою
Крестили сквозь горящий лес...

Я видел грозные холмы, —
Они стояли чередой...
И в них я слышал голос Твой,
Подобный свету в сердце тьмы:

«Возьми в ладонь Мое копьё!
И порazi им грудь волны,
Где лишь развалины и сны
Плодят в душе небытие...

Возьми в ладонь другую ключ
От всех дверей и всех ворот
И трижды сделай поворот
Вкруг легиона черных туч!»

Я слышу голос Твой, Господь!
Я вижу Твой калейдоскоп —
И каменный отверзший гроб,
И в плащанице Твою плоть...

Услышь меня! Я вопию
К Тебе сквозь деревянный срез,
Который пел мне Песнь Твою
Воистину, что Ты воскрес!

Ветра и волны! Будь скалой!
Я вырвал с корнем тишины
Язык, чтоб слышать голос Твой
В забвения час и час войны!

В последний раз Твоей войны...

Четвертая стена

В свой день рождения я буду одинок...
Со мною будет пол и потолок,
Дверь и окно, еще стены четыре...
Я буду самым одиноким в мире...

Меня поздравит скрипом серый пол...
И каждая доска, как острый кол,
Войдет в меня, и скрипки заиграют
Про то, как в день рожденья умирают...

Меня поздравит небом потолок,
Где каждая звезда, как уголек,
Войдет в меня, и скрипки заиграют
Про то, как в день рожденья умирают...

Меня поздравит запертая дверь,
Где каждая открытость, словно зверь,
Войдет в меня, и скрипки заиграют
Про то, как в день рожденья умирают...

Меня поздравит мутное окно
В квадрате стекол, которые давно
Вошли в меня, и скрипки заиграют
Про то, как в день рожденья умирают...

Меня поздравят стены – их четыре...
И каждая из них в моей квартире
Вошла в меня, и скрипки заиграют
Про то, как в день рожденья умирают...

«Будь Днем и Рожью!» – скажут мне они...
Зажгутся свечи... Пышные огни
Войдут в мой взор, как взрывы конфетти...
Но скрипки не играют взаперти...

Они молчат. И я молчу. Все гости
В мой день рождения играют в мои кости
И тянут жребий жизни из меня,
Смычки и скрипки надо мной склоня...

И этот пол, и потолок – рождение...
Дверь и окно – слепое наваждение...
В них постучится солнце и луна,
И чокнется со мной одна стена.

Стена вторая скажет громкий тост,
А третья – бросит к ногам букеты звезд...
Я есть четвертая стена, и скрипки заиграют
Про то, как в день рождения...

«Я тону, тону, тону...»

Я тону, тону, тону
В молоке тумана,
А туман во всю страну,
Как в убитом рана...
Белый змей ползет в глаза,
Не видать прохода...
Лишь всплывают образа
Моего народа,
Как покойники в реке...
Рукава по локоть
В русском с кровью молоке...
Рвы, канавы, копоть...
Закопай меня, туман,
Спрячь мой труп от сажи...
Плачь ветрами! Плачь, курган,
Над моим овражьем...
Смолкнут ветры над рекой
Белыми ночами...
Я сегодня буду твой —
Беглым зверем чаять...
Полынья моя горька,
И на шее жизни,
Словно крестик дурака,
Я тону в отчизне...
Белый лебедь в дебрях дня

В небе, в небе бьется...
В сеть морщин поймай меня,
Молодое солнце!
Сквозь туманы и овраг
Каждый шаг – щемящий,
Каждый шум – беззвучный враг,
Пред лицом стоящий...
Я тону, тону, тону
Сквозь туман во всю страну...

Йом² Эхад³

Словно карту мою кроют...
Словно летние дожди
Окна радугою моют,
Радостью в груди...

Словно смех кропит колоду,
Крапает слеза...
Словно убежать в свободу,
Спрятаться в глаза...

Словно жаворонок ночью...
Словно сон совы, —
Видеть день живых воочию,
Слышать песнь травы...

Словно мертвых обереги
Встали из земли...
Словно первые побеги,

² Йом – понятие, обозначающее промежуток времени, обычно равный суткам. Слово «йом» в иврите и в арабском языке дословно переводится на русский язык как «день».

³ Эхад – обычно переводится с древнееврейского как «единый», «неделимый». Так в молитве «Шма» провозглашается основная идея иудаизма – единство Господа и нерасторжимость еврейского союза с Создателем: «Слушай, Израиль, Господь, наш Бог, один/един (эхад) есть Бог».

Словно журавли...

Словно встреча и разлука,
Только впереди...
Словно мы движение звука
В летние дожди...

Словно грудь крестом колышет
Призрачный ответ...
Словно Эхо меня слышит
Миллионы лет...

Словно окна карт разбиты...
Словно окропят...
Словно сны и гнезда свиты
Мертвым на закат...

Словно с первыми лучами
Радугой сожгут
Наши окна пред Очами
Световых Минут!

Молчание ягнят

Он видит ангелов... И упорно молчит...
Только улыбка скользит по губам...
Его глаза никогда не смеются...
Он видит ангелов и тоскует навзрыд...

Он видит ангелов и слышит их песни...
Их голоса – шепот вкрадчивых дум...
Он человек, который смеется
И прячет глаза под плащом темноты...

Он видит ангелов и сюжеты Доре...
Кто раскусит молчание, если ягненок
Теряет невинность с приходом ножа?
Кто ему запретит повести свое стадо?

Одни говорят: «Он видит ангелов!»
Другие твердят: «Он немое кино!»
Третьи пророчат: «Он над нами смеется!»
И все отрицают покров темноты...

Он видит ангелов, где миф и покорность —
Холодная капля в горячие сны!
Беззвучное стадо пресытилось смехом...
А он видит жажду своего палача...

Он видит ангелов кропотливые крылья...
Трущобы, портвейны и голых детей...
Они поют песни о новом приходе...
Они занимают собою места...

Они занимают невинность до завтра...
Они занимают деньги на смерть...
Они берут в долг сексуальные плахи
Для маленьких игр в бездушных зверей...

Но он видит ангелов и точку отсчета...
За ним нет долгов... Но убийца в конце
Немого кино стрижет свое стадо
И прячет глаза под плащом темноты...

Он видит ангелов!
Он слышит их песни!

Кто раскрасит молчанием мертвых ягнят?

Эффект бабочки

Когда пробьют последние часы,
Когда вода всемирного потопа
Восстанет, словно мертвый из окопа, —
Качнется маятник и оживут весы...

Начнется хаос, дым и суета...
Агония огня в живом разгаре!
И будут все замешаны в пожаре —
Смотреть, не смея разомкнуть уста!

О ужас! Мясо человеческое есть
Не что иное, как огарок духа,
Который тлеет, набивая брюхо
Землей, где правит ненависть и месть!

Любовь моя, куда твоя тропа
Уводит, если все землей набито?
Неужто я слепой, и ты слепа?
И время сквозь меня сочится в сито?

Как бабочка в сачке, трепещет мир,
Отмеривая веру и безверье...
Ломая крылья, стачивая перья
О каменные рясы черных дыр!

Любовь моя, где буду я, ответь!
В воронке дней, меж прошлым и грядущим?
С опущенной главой пред Всемогушим,
Не смея разомкнуть уста, смотреть

На робкий плач, на скрежет и пожар...
Я есть не что иное – запах дыма,
Который веет еле уловимо,
Просачиваясь в мировой амбар...

Когда пробьют последние часы,
Тогда вода всемирного потопа
Всплывет покойником, как Азия, Европа,
И смочит правосудные весы!

О равновесие, где буду я, скажи!
Я бабочка в сачке! Мой мир отмерен!
Но я тебе до смерти буду верен,
Любовь моя, вода в живой межи!

«Отбой по флоту, Ушаков!..» Памяти адмирала Ф. Ф. Ушакова

Отбой по флоту, Ушаков!
На abordаж без дураков!
Мы двинем спозаранку в бой...
Ну а пока, весь флот, отбой!

Трубит рожок!
Костер горит...
Я сон прожег!
Рожок трубит...

Где сон? Где явь?
Не разберу...
Я снова вплавь...
Я на ветру!

Мой парус бел...
Мой черен флаг...
Крошится мел...
Чеканит шаг...

В морском бою...
В мирском строю
Я не стою...

Я весь – пою!

Не строит нога

По ладам...

Я детям флота

Честь отдам!

А там посмотрим, кто по чем!

Плечом к плечу стоит с мечом

Мой Капитан! И реет флаг

Строкой над волнами бумаг!

Отдать концы! А якоря

Поднять на мачту алтаря!

Отбой по флоту! Бог с тобой!

Но эту ноту чисто спой!

«Серебрится путь от дома...»

Серебрится путь от дома
Поволокой озорной...
Все до слез в глазах знакомо —
Храм березок над рекой...
Где нога моя ступила,
В раз отступит мгла и тишь,
И дубовая могила,
И бревенчатая мышь...
На пруду озерный лебедь
Крылья к небу превознес...
Только что мне в этом небе?
В небе нет моих берез...
И березового храма,
Что сережками звеня,
Поцелует, словно дама,
В жизнь влюбленного меня...
Так целуй меня, целуй же!
Колокольням подвяжи
Языки российской стужи,
Что звонят по мне в межи...
Колея легла до дома...
Шьет игла тернистый путь...
Все до слез в глазах знакомо...
Вся Россия дышит в грудь!

Перстень

Посвящается Андрею Бовкуну

Такой же перстень я ношу,
Мой брат! Мы сопричастны воле
Всевышнего в вишневом поле,
Которым с детства я дышу!

Мой брат, как многое теперь
Связует нас! Терпи и веруй,
Что свет проступит в жизни серой,
И мгла развеется, поверь!

Но ты мой перстень не снимай,
Он талисман во дни тревоги!
В нем преломляются дороги...
Попробуй хоть одну поймай!

Ту, что поймашь, береги —
Заветный камень в сердцевине...
И пусть тяжелые шаги
Чуть легче станут средь пустыни!

Под золотым песком река
Течет издревле сквозь века
И ускользает прочь из вида...

Там дремлет сфинкс и пирамида...

В час расставания надень
Его на безымянный палец!
Когда вернется к тебе память,
Благословенным будет день!

Пусть мимолетность наших встреч
Живет в стихах и в переписке...
С тобой мы сердцем стали близки!
Попробуй перстень мой сберечь!

В день ожидания обручись!
И укажи перстом дорогу
Туда, где день восходит к Богу,
Туда, где ночь нисходит ввысь...

Такой же перстень я ношу,
Как нóшу, сопричастный доле
Всевышнего на ратном поле, —
Перстом Его тебе пишу:

«Благословенным будет час
И перстень, что связует нас!»

«Я и тобой проживу...»

Посвящается Александру Ляпунову

Я и тобой проживу,
Пусть даже все потеряю!
Словно деревья – листву,
Словно птенец – свою стаю...

Перелистну тетрадь —
Лист за листом, по кругу...
Осень зовет умирать
В тихую, снежную вьюгу!

Я доживу до утра...
Рукою подать до утраты...
Перед лицом костра
Сниму боевые латы...

Гладь меня, шепот огня!
Деревья готовы к бою!
Не потеряй меня!
Я проживу тобою...

Словно птенец без гнезда,
Словно без листьев древо...
Жизнь моя – это звезда...

Снежная смерть – королева...

Перелистни слова...

Перечеркни тетрадку...

Огонь летит на дрова...

Птицы летят на рогатку...

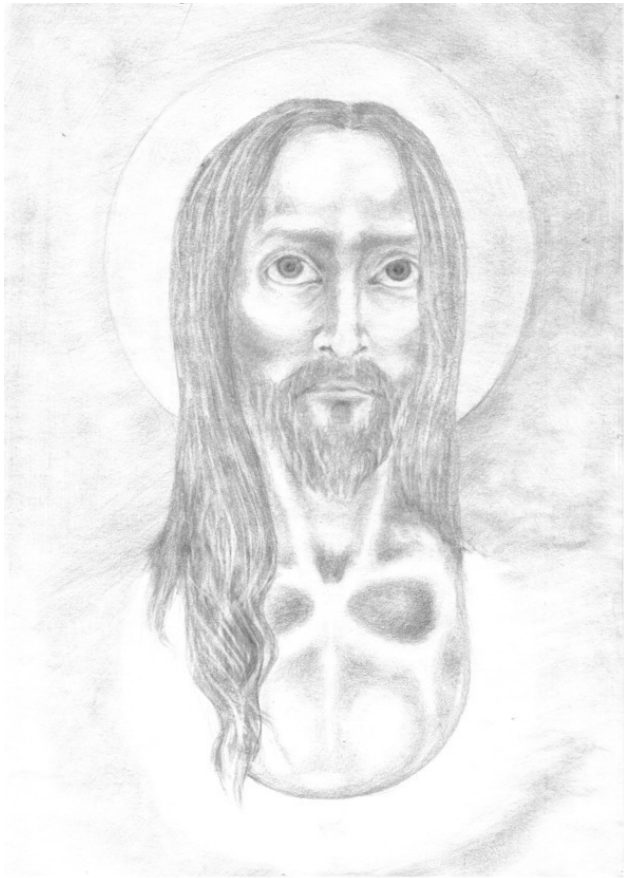
Я проживу тобой...

Пусть даже все потеряю...

Слышишь мой выюжный вой?

Я призываю стаю...

Я тебя призываю!

Моление о Чаше

Подножие ног Твоих – горы!
Ветер – дыхание Твое,
Словно небесные хоры,
Поющие в небытие...

Слезы Твои – реки!
Смех Твой – скал острие...
Да не прейдет вовеки,
Господи, Царство Твое!

В громе Твой слышу голос!
В молниях – гнев очей...
Господи, я Твой волос
В созвездии церковных свечей...

Люди – Твои свечи
С вечера до утра...
Мы Твои шкуры овечьи,
Мы Твои волки, ветра...

В бережном блеске взгляда
Не угаси огня!
Господи, помни меня!
Не забывай! Так надо.

Мне бы исполнить волю...
Последнюю волю Твою!
Знать, оттого я пою
Насмерть по русскому полю!

Я не пророк, не мессия,
Я не благая весть...
Я это только Россия,
Ты моя слава и честь!

Крепость моя, опора,
Благословенная днесь!
Смех кружевного узора,
Плача сусальная Песнь...

Ищем Тебя мы, ищем...
Ищем богатство Твое,
А над земным пепелищем
Кружево вьет воронье...

Эхо – Твое богомолье!
Что сверх того – не Твое...
Черное кружево вьет...
И догорают уголья...

Мое Ты моление о чаше
Во Гефсиманском саду...
Да будет огонь погашен
Тобою в моем аду!

АКВИЛОН

Немые, влажные, холодные просторы
Кивали облаку седому, ангелу седому...
Куда вы нас влечете, Северные горы?
На Аквилон возводите, к Содому?

Развеять пыль, оплакивая ветер,
В ладонях расплескать ладью росы...
Который век настенные часы
Оттачивают слогом ход столетий...

Ход холода от выдоха до вдоха...
Мы медь звенящая, мы свадебный кимвал...
Плясунья Эхо ласкает кости скал,
Танцую, словно вещая Эпоха...

Остыли люди, боги, города...
Все каменное, взор куда не кинешь...
Довольно песен, если близок финиш —
Огрызок яблока, летящий в никуда...

А свадьба длилась сединой волос —
Безудержная пляска Аквилона...
И вечный час, как змей вкусивший лоно,
В Смех первородный пролил семя Слез...

День Великого Огня

Тяготят меня вериги,
Вереница слов и жен...
Я собою сам сожжен —
Письмена горят и книги,

Даты, числа, имена,
Лихолетье, люди, лики...
Рвется ниточка на стыке,
С криком: «В бой! За ордена!»

Вот так родина! Родня
Родила нас напоследок...
И ворочается предок
В день Великого Огня!

В День Потопа утоли
Все грехи и смой водицей,
Чтобы заново родиться,
Как подснежник из земли...

Жизнь простыла в простыне...
Беглый снег лежит под пледом...
Так и мы растаем следом
В час на жертвенном огне!

Оглянуться не успеть!
Оградиться не под силу!
Ляжем в общую могилу,
Чтоб костями позвенеть...

Тяготят меня дела
И цепочки общей звенья...
В День всемирного забвения
Правит праздником Зола!

Увядая, увядай!
Ордена – живым на память...
На костях мне погадай,
Как нам Праздник Мертвых справить!

Евхаристия

Посвящается Юлии Хрисанфовой

Иная ты... И я иной...
Я инок... Отрок... Иней...
Иная ты, иди за мной
Под плащаницей синей...

Проступит пот испод-
Него, котельного белья...
Иная ты – огонь и лед...
Но кто же тогда я?

Я инок... Инок... Я иной...
От рук, от ног, от глаз...
Иная ты, иди за мной
Сквозь год, сквозь день, сквозь час...

Сквозь времена иная ты...
Ты раковина строк...
Я инок... Отрок... Я поток
В крещенские цветы...

Я числа, буква и закон...
Иная, ты чиста...
Я ветер среди раздетых крон

В развалинах Христа...

Оставь меня... Останови...

Я вытер след с песка...

Позорный гвоздь в живой крови

Купается века...

Я искуплен... Искуплена,

Иная, ты со мной...

Мы Евхаристия Звена,

Мы на цепи одной...

Здесь плен и пламя, полымя...

Там тлен и знамя, зной...

Иная ты, помилуй мя,

Как я тебя, иной...

Архангел

Посвящается Анне Шабловской

Именная теперь икона
От рождения до похорон
Пусть хранит среди других икон
Благовест колокольного звона!

Благовест по тебе и мне!
Только так и никак иначе,
Чтобы душу могла значить
За меня в деревянном огне...

В час уныния помолись!
Михаилу и Николаю...
Анна, я тебе оставляю
В час зачатия рублевскую высь!

Притча

У тебя есть спасательный круг...
У меня – только камень на шею...
У тебя даже есть пара рук...
Я и того не имею...

Вкруг тебя большой океан...
Вкруг меня только пустыня...
Ни росы, ни дождя, ни инея...
Только пустой стакан...

Я его иссушил до дна...
Только ил всколыхнулся и лег...
У тебя еще есть пара ног...
У меня есть только спина...

У тебя есть высокий путь...
У меня – и того вполовину...
У тебя – один крест на грудь...
У меня – два креста на спину...

И тут они упали оба —
Друг другу верные до гроба.

Игрушка Молчания

Прирос я к дому и покою
Холодным сердцем, к очагу,
К огню, что жалится змеею
На жизнь в растопленном снегу...

Шипит сурово и устало,
Теряя трепетность тепла...
Я скрежет хрупкого металла
В камине, где лежит зола...

Где раскаленный уголь солнца
Остыл в кристаллах бытия...
Передо мной змеею вьется
Огонь, которым стану я.

Огонь, в котором спит прохлада,
Есть нечто большее огня...
Утешь теплом, ужаль меня!
Мне больше ничего не надо...

Огонь, с которым умирают,
Подобен пеплу языка...
Молчанье – лучшая строка!
Ей люди сердце посыпают.

Не сокрушаясь ни о чем
Я, как алхимик, днем и ночью
Из камня высекаю волчью
Искру игрушечным мечом...

Глупец! От сырости времен
Земля уже туманом дышит...
Строку молчания не слышит
Твой меч, что кровью обогрен...

Багровым светом обогрей
Клинок и брось в траву сухую...
Я, может быть, тогда раздую
Огонь – священный яд углей!

Зашей глаза, слепая нить,
Живая плоть к тебе готова!
Игла Господня, шей сурово,
Чтоб душу мог перекроить...

И на краю своих крестин,
Воды с огнем, родиться свыше!
Стать глубже, трепетнее, тише
Огня, воспевшего камин

Пустых, беспамятных времен,
Холодных встреч, разлук горячих,
Оглохших слов, дорог незрячих,
Молчаньем золотым клеймен...

Полет Валькирий

Волшебница, твой мир прекрасен!
Он соткан из узоров глаз!
Я этим взором бы украсил
Свой мир и каждого из нас.
Волшебница, твой мир чудесен!
Он выткан из цветов и чувств!
И устлан берег моих песен
Речной осокой твоих уст.
Волшебница, твой мир так сложен!
Он тайна весь, живая вязь!
Давай из чудных песен сложим
Тебя, что свыше родилась!
Волшебница, твой мир как остров —
Необитаем, одинок...
Но он и есть тот уголок
Живой души в стремлении остром...
Волшебница, твой мир понятен!
Но нам невнятна его речь...
Мы сотканы из черных пятен...
Мы призваны не жить, а жечь!
Волшебница, твой миг – столетие!
Но чуток трепетный огонь,
К тебе сошедший на ладонь —
Пожаров и ветров свидетель...
Волшебница, твой мир печален ведь!

Он весь как аксиома звезд.
Пора и мне туда отчаливать
Вслед за тобой, сжигая мост.
Волшебница, твой мир исхожен
Немногими из тех, кто жил!
Кто за тебя свой меч сложил,
Не сможет впредь достать из ножен...
Волшебница, твой мир – валькирий
Полет в неведомо куда,
Где нелюдимая звезда
Поет о том и этом мире!
Волшебница, твой мир окутан
Росой, стекающей с коня...
Возьми в нездешний мир меня,
Живущего лишь по минутам!
Волшебница, твой мир исходит
Сияньем вечным в мою грудь,
Благословляя на восходе
Убитых и рожденных в путь!
Волшебница, твой мир прекрасен!
Пряди свое веретено!
Приди! Приди к нам восвоися,
Где жизнь и смерть теперь одно.

Жимолость

Изрешетили пули
Сомнениями душу мою...
Веру ветра задули, —
Голым камням пою.
С каждым шагом все четче,
С каждым взглядом – мутней...
Дай мне сложить, Отче,
Последнюю песнь о ней!
Чтобы туманы рассеять,
Чтобы навек замолчать...
Чтоб научиться верить,
Заново жизнь начать...
Голые камни сложились
В неприступный куплет.
Песня – горькая жимолость —
О тебе, той, которой нет...

Завещание

Вдали от всех скитаюсь день и ночь,
Стенания мои подобны волку...
Я в стоге сена не найду иголку
Своей души, летящей в пропасть прочь...

В игольное ушко не вдет нить
Заветного клубка змеиной пряжи...
И я гадаю снова: быть, не быть?
И вычищаю все углы от сажи...

Ребром стоит поставленный вопрос...
Ломаю голову над правильным ответом...
Я забиваюсь в угол горьких слез
И ограждаюсь деревянным светом

Икон, которые в меня всегда глядят
Весь век из-под тяжелых век обряда,
И жалом смерти проникает взгляд
Мне в сердце, полное уныния и яда...

Глаза мои, как идолы вдали, —
Два истукана смотрят исподлюбья
На то, как вырастают из земли
Вместо цветов границы и надгробья.

Сугробы наслаждений и примет...
Меня не примет Бог в Свои чертоги,
И я останусь камнем у дороги
Лежать посмешищем остаток моих лет...

Досадно мне в мозаике руин
Не отыскать вопроса и ответа...
Вдали от всех я остаюсь один,
Подобный храму Ветхого завета...

Я завещаю людям Божий мир
Со всею глубиной его и болью...
Земля моя, я стану твоей солью
И мокрыми глазами черных дыр...

Как жаль, что мне с собой не по пути...
Осталось так немного до приюта —
Всего одна молчания минута
И вечность, до которой не дойти...

Царство Небесное

Мы слишком часто говорим о Боге,
Но ничего не делаем и спим...
Прости нас грешных, ибо что творим
Познали мы, как змеи на дороге...

Мы ведаем закон и благодать,
Привычны нам и ропот, и распятыя.
И вновь Тебя придется нам распять,
И снять с креста Твой труп в свои объятья...

Все как всегда – и помыслы, и блуд,
Извечный стыд за подлые поступки,
И приближающийся Страшный суд
Смешался с кровью черной в Твоем кубке...

И виноватое вино прокисло вновь...
Смешалась речь и горечь, мед измены...
Так выпьем же давайте за Любовь,
Предатели, оплакивая стены!

Куда Ты смотришь? Взгляд Твой тих и строг...
Лишь мироточит краска сквозь фанеру...
Мы строим храмы в зеркалах дорог
И на словах идем на смерть за веру...

Возводим стены нерушимых дел.
Все на века навверняка, мол, сшиты – скрыты...
Ученики Твои пьяны и сыты
На Тайной вечере в совокуплении тел...

Не оскудеют руки от гвоздей!
Подай на плоть! На всех расплаты хватит!
А там, глядишь, Господь тебе заплатит,
Последнему из праведных людей...

Не оскудеет нищего рука, —
Богатому богатство приумножит...
И что лежит на сердце дурака,
Пускай дурак на жертвенник положит...

Куда Ты смотришь, и куда идешь
Сквозь тишину, по узкой кромке света?
Туда, где правда голая раздета?
Туда, где разнаряженная ложь?

Туда, где все деревья – общий крест
Нательный, как оплот Любви и Слова...
Туда, где предадут Тебя, и снова
Не выдаст Бог, и смерть-свинья не съест?

Того Ты хочешь, Господи? Иди
Туда, где воцарилось вероломство...
Где размножается порочное потомство...
Гряди на облаке! Ей, Господи, гряди!

Туда, где все деревья – общий клин,
Взгляни на нас, мы, верно, Твои чада,
Исполненные жалости и яда,
Среди которых Ты стоишь один...

Под дружный плач и хохот дурака
Царство Небесное не более чем сказка...
И плоть Твоя – лишь хлебная закваска...
И кровь Твоя – лишь винная река...

Предатели! Я с вами говорю!
Его когда-то я ведь тоже предал...
Распял Его, убил, ибо не ведал,
Прикладываясь чревом к Алтарю...

Невинное вино меж нами вновь...
Утихла речь и горечь – яд измены...
Так выпьем же скорее за Любовь,
Наполним Кровью вопиющих вены!

Восстань, Всевышний, ото сна, проснись!
К подножию склонились гроздя гнева...
Вновь Царствие Небесное, как Древо,
Цветет корнями и ветвями ввысь!

Котлован

Азраил⁴, я знаю твои дела!
Ты сын блуда и танец очей...
Преодо мною склонились деревья свечей,
Словно верная свита котла...

Я огнем польхаю на золотом дне...
На какой мы стоим стороне?

Азраил, я знаю твои слова!
Демон помыслов, древний дух,
Ты тревожишь ночами бессонными слух
И ласкаешь огнем дрова.

Азраил, это песня бескрайней луны,
Словно выкидыш в сонную гладь.
Мы с тобой дети света другой стороны,
И луной нам приходится мать.

Мать моя, я твой сын в щебетании птиц,
Я твой самый последний узор...

⁴ Азраил – в иудаизме ангел смерти (мал'ах ха-мавет), отождествляется со страшными великанами и демонами. В Талмуде он идентичен Сатане и злomu помыслу (иецер ха-ра). Чаще всего ангел смерти является в образе беглеца, бродяги или нищего. В фольклоре он часто изображается со множеством глаз, усердным жнецом или стариком с мечом, с которого стекает яд.

Кружевная тряпица в тихом омуте лиц,
Вопиющий ангельский хор...

Азраил, твое имя широких долин
Одарило пустыню и тень!
Я отныне провидец времен и равнин,
И отцом мне приходится День!

День мой, Отче, я чашу испил
Из ладони Твоей до конца!
Мы от века повинны с тобой, Азраил!
Мы свидетели молчанья Отца!

Азраил, припади прахом в шелест травы!
Обрати свои камни в хлеба!
Судный День позади. Только тень и судьба
Под бескрайним крылом совы...

Кто мое сердце огнем напоил?
Кто выменял имя днем
На скупую слезу и столетний ил...
Азраил, восплачь же о Нем!

Я слезой умываюсь на серебряном дне...
На какой мы теперь стороне?

Там далекая даль – всем потерянными дань
За возможность плакать в песок...
Там Израиль – красивая горная лань

В цепях голубых дорог...

Азраил, прочитай меня свиткам дорог,
На что ты меня обрек...

Эта горькая Доля носит имя Звезда,
Которая косит полынь...
И косыми дождями влекут города
Души рек Вавилонских. Аминь!

Все сплетение и сплав! Все металл и звено!
На кофейных сгустках крови
Погадай мне насквозь драгоценное дно
О грядущей вселенской любви!

Я уже в деревянной рамке берез —
Сын погибели! Сон Палачей!
Надо мною восстали деревья свечей
На последний зеленый Покос!

Покосился узор, дверь, замок и ключи
Всех источников бьются в огне!
Бьются всадники насмерть, скрещивая лучи
За меня на дневной стороне!

Азраил, я зеленая жатва Дня,
Затмевающего мой взгляд...
Мои руки в ключах отворяют меня
Без права вернуться назад.

Азраил, обернись в свои детские сны —
На единственный всполох окраин...
Деревянные свечи – жертвенники весны
Возвещают раскаяние, Каин...

Азраил – раскаленные слезы вины
В тени брата иной стороны...

Лучший

Когда покину этот мир – не плачь, а вырасти цветы
В моем саду, где двое будут – я и ты...
И, как садовник верный,
Следи, чтоб не было плевел, волчцов и терний!
На месте, где расту я, будь босою...
Пусть твои слезы выступят росой
Утренней на лепестках моих
И испарятся с первыми лучами,
Едва коснувшись острыми очами
Светила, что сияет для двоих...
В моих цветах совыют и птицы гнезда!
Будь с ними ласкова, они мне песен гроздь
На сон поют, когда бутоны глаз изнемогают
И, закрываясь на ночь, умирают...
А спозаранок голосом щемящим
Пробудят жизнь в тебе моею песней...
И мы проснемся вновь, но в настоящем,
В преддверии грядущего – воскреснем!
Песня не кончится, она лишь продолжение аромата,
Который увлекает за собой беспечных бабочек и пчел.
И, обжигаясь крыльями заката,
В твоих глазах я ночь свою прочел...
Ты береги их! Береги их... Береги...
Пусть ножницы, подобно близнецам,
На языке которых умирают

Чуть пожелтевшие от сентября листья,
Передадут тебе мое послание —
Последнее послание двум сердцам,
В которых не слова уже играют,
А терпкий дух в крупицах мироздания...
Прочти меня и ты...
Все на круги своя опять вернется...
Из перегнув маленький росток
Пробьется наготово хрупкой к солнцу
И спеленает красотой цветок...
О ты, садовник верный, следи,
Чтоб не было плевел, волчцов и терний,
Следи от утренней звезды и до вечерней
Неувядаемую красоту цветка...
Пусть гнезда ему служат колыбелью,
И трель звучит над вечною постелью,
И проплывают мимо облака...
Не пробуди, садовник, сорняка!
Не потревожь, а слушай аромат...
Встречай восход и провожай закат...
Когда покину дивный мир – не плачь,
Но срежь под корень все мои цветы,
Среди которых были я и ты...
И подари тому, чье имя Лучший!

Тень Песка

Я смотрю, как играет со мной твоя тень
Каждую ночь и каждый день.
Проснись, Калигула, ты исцелен
Посреди этих мраморных вечных колон...
Твое солнце в венке, а луна в реке,
Твои руки – навзрыд, а шаг – наугад...
Каждую ночь меня мучает ад,
Каждый день твоя тень у меня в кулаке...
Проснись, Калигула, это был сон!
Страшный сон из детства, но все позади...
И ад не более чем колесо
Золотой колесницы в твоей груди...
Мы потомки руин! Мы Ромула и Рем!
Мы сосали волчицу – Кали-югу⁵ времен!
Проснись, Калигула, ты исцелен
Славной смертью людей, сняв доспехи и шлем...
Я снимаю с себя вместе с кожей ночь,
Это кожа змеи, ледяная любовь
Непорочной блудницы, которая прочь
Покидает руины, насилуя кровь!

⁵ Кáли-ю́га – четвертая из четырех юг, или эпох, в индуистском временном цикле. Характеризуется падением нравственности, поскольку добро в мире уменьшается до одной четверти от первоначального состояния в век Сатьяюга. Варианты трактовки названия: «век демона Кали», «железный век», «век раздора».

Ты и я – мы два града! Тот град, что земной —
Там играет всегда твоя тень подо мной!
Над тобой град небесный, сокрытый от глаз!
Просыпайся, Калигула, солнце для нас!

Фотиния

Посвящается Светлане

Американцевой

Пусть твое небо озарится,
И дух стремительной стрелой
В чертоги древние вонзится,
Где все – блаженство и покой!

Где равновесие поклоны
Отвешивает от и до
Вершин, с которых на гнездо
Твоих очей глядят иконы...

И птицы-слезы с глаз долой
Летят, простившись с домом Плача...
Где, ничего уже не знача,
Огонь становится золой...

Ну вот и ты, мой Божий дар,
Там вдалеке и в дымке света
Вся до последнего куплета
Губами выпита из чар!

Испита мной до глубины,

А не другим – песком прибрежным,
Который быть не может стержнем,
А лишь подобием стены...

Я от воды и от огня
Рожден, Фотиния, на святки...
Твой свет играл со мною в прятки
И выжиг изнутри меня...

Но свиток свит, а я был свят.
Мой дух влачился над водою
К Подателю всех благ, к покою,
К блаженству яблоч райских – в сад...

Саднила бездна голосов,
Без умолку безумству вторя,
Где музыка людского горя
Лежит на чашах всех весов...

Я странник вещей у ворот,
Что заперты тобой навеки...
Фотиния, я вижу реки!
Я предвещаю вечный лед!

Мы потеряли имя Бога!
Где ключ, который помнит дверь?
Не верь словам моим, не верь!
В них яд отравленного слога.

В них я и ты, мой Божий Дар,
Впитавшие всю кровь в бумагу...
Тебе и мне – даль за отвагу
В груди, где мечется пожар!

Все с глаз долой! Из сердца вон
Летит навстречу с домом Смеха!
Фотиния, теперь мы эхо
На языке немых икон!

Люция

Багровое покрывало готово
Из убитых сынов и оленей
На серебряной кольчуге снегов...

Под покровом каждого слова
Кипит молоко молений, —
Волки слышат следы деревьев,
Волки видят огни шатров.

Золото Долины Иссы,
Я люблю твои чистые росы!
И лучи, словно рыжие лисы,
Прячут Солнце в речные косы...

Люция, помоги! Помоги мне!
Пусть стражник хранит ворота,
За которыми в каждом гимне
Воспевает Всепетая Нота!

Где хоронят певцов отваги
На косматой шкуре медведя...
Где Берлога ведет к победе
Топором и Пером по бумаге!

Кто корнями глаз в небо вырос,

Тот уже на границе сна...
О Всепетая Нота Ирмос,
Справь мне праздник на все времена!

Багровое покрывало Горнего
Из убитых сынов и оленей,
Где под кровью каждого корня
Скрыта ненависть всех поколений.

Его песня застряла в горле...
Лишь под шепот еловых лап
Тишиной зашивает игла
Все слова, что еще не стерли...

Люция, ты рядом в борьбе за любовь!
Люция, ты родом в вечный покой!
Опустел духом дом твой и кровь...
Опусти тело в дом твой и кровь...
Око ворона следит за тобой,
Словно след, словно лед под тобой...

Пока капля не свернется в калач,
Пока Север не спечет свой кулич,
Молоко всех молитв – это Плач,
А Всепетая Мать – это Клич!

Ты уже на границе сна
Заплетаешь багровые пряди —
Это реки юродивых ради,

Под которыми дрогнет весна!

Рваное солнце Иссы

Застыло на краю ночи и дня.

Кто корнями глаз в небо высох,

Тот огнем снимет кожу с меня...

Ладья напоила плоть...

Ладья накормила деревья...

Время вышло крестить и колоть

Все дрова, словно Люция древняя...

Горькой полынью звезда,

Когда под замком ворота,

За которыми слово «Воздам»

Отпевает Всепетая Кто-то...

Водопад – соль очей из впадин...

Седые деревья в сердца...

Топором до кровавых ссадин,

Пером после саги конца...

Берегись полуденного зноя!

Берегись полуденного змея!

Берегись полуденного сна...

Мы отныне покрывало перегноя.

На руках невинных багровея,

Кровь убитых на миру красна...

Со мной говорят деревья!
Оставьте мне символ и солнце!
Протяните мне пряные травы!

Надо мною орлы державы...
Надо мной око ворона вьется...
Вот он, праздник степного кочевья!

Багровое покрывало – трава
Из убитых сынов и оленей
На серебряной шкуре алеет..

Доблесть Долины Иссы
Обглодали рыжие лисы...
Прячьте солнце в мои рукава!

Люция в проталинах глаз...
У западных ворот стоит волк...
Он дожидается нас,
Словно ладью свою вóлок...

У западных ворот стоит волк...
У запоздалых ворот...

Рождественское Чудо

Давай переживем весну,
Потом переживем невзгоды...
Я, может быть, тогда блесну
Для высшей цели и природы!

Вслед за весной придет огонь,
Огонь тот носит имя Лето.
Он, как свирепый Рыжий конь,
Несет меня в отчизну света!

На смену мне дожди придут,
Они ведь тоже имя носят,
И Осенью огонь мой косят...
И Осенью с листвою жгут...

Я твой! Я твой! Переживет
Меня природа, свет и лужа...
И Белый конь, чье имя Стужа,
Копытом в сердце мне кольнет!

Все до весны переживем!
Потом по кругу через выюгу
Протянем снова жизнь друг другу
Зеленым восходом в майский гром!

Давай с тобой уйдем в весну,
Уедем навсегда отсюда...
Я, может быть, тогда блесну
Впервые для Любви и Чуда!

The Wall

Большинство людей олицетворяют собой Религию
Отсутствия, тогда как я являю миру собой Религию

Пустоты.

И мы не есть суть двух зеркал, стоящих друг напротив друга! Мы вечное стремление Желаемого к Невозможному. Человечество в целом – протянутая рука в собственную Иллюзию. Пустота всегда наполнена, Отсутствие – всегда отрицание собственного Ничто перед страхом безразличия... Я продаю вам Пустоту!

Н. Антропов

Продавец пустоты

2015 год

Зодчий

Так говорит Господь Бог костям сим: вот, Я введу дух в вас, и оживете. И обложу вас жилами, и выращу на вас плоть, и покрою вас кожею, и введу в вас дух, и оживете, и узнаете, что Я Господь. (Иез. 37: 5—6)

Какое небо голубое!
Прозрачный свет достигнет глаз
И меткою войдет стрелою
В окаменелых, грешных нас...

В живую плоть иконостаса
Нереставрируемых стен,
Где кости обретают мясо,
И мертвецы встают с колен!

Поражена мишень эфиром...
Слепой отныне станет зряч!
И луч стрелой пронзает мяч,

Который назовется миром.

Иди и виждь, слепец, отныне,
Кроши свой взор в крошку лет!
Да будет мир! Да будет свет
В гробницах глаз твоей пустыни!

Какое небо! Не такое,
Каким казалось мне вчера...
Оно сегодня голубое,
Все в алых лепестках костра.

Прозрачный свет, как призрак ночи,
Скитается меж древних стен,
Где мертвецы встают с колен,
Где правит прахом Вечный Зодчий!

Вглядись, прозревший, в небосводы
Созревшими плодами глаз, —
Стрела каленая свободы
Когда-нибудь достигнет нас!

Джонатан Ливингстон⁶ Посвящается Евгении Галимзяновой

Птицы зимой улетают на юг,
Весной – возвращаются с юга.
Вот так покидает и друга друг,
Чтобы помнить всю жизнь друг друга...
Вместе им было уютно, тепло
В гнезде, под пледом небесным...
Но время пришло, когда развело
Их воду берегом тесным.
Теснится свобода, как сердце в груди,
И просится ветер наружу.
И один впереди, а другой позади
Летит сквозь пространство и стужу!
– Не тужи обо мне! – один говорит.
– Не буду... – другой отвечает.
Я вижу, как жизнь бесподобно горит
На кончике крыльев чаек...
И никогда не прервется полет,
Пока кто-то не выйдет из круга.
Наши крылья и кровь запечатает лед

⁶ «Чайка по имени Джонатан Ливингстон» (англ. Jonathan Livingston Seagull) – повесть-притча, написанная Ричардом Бахом. Рассказывает о чайке, учившейся жизни и искусству полета. Также может считаться проповедью о самосовершенствовании и самопожертвовании..

До весны, чтобы помнить друг друга!
На прощанье – крылом! Я на кончик пера
Соберу все ручьи и чернила
В нашу память с тобой, а теперь мне пора
Улетать, чтоб меня не забыла!
Чтобы вспомнила все, что забыла!
Помашите мне в ответ! Я держу верный курс!
След простыл на снегу, и колышет
Сердце, глупое сердце... И бесится пульс,
Замирая от счастья, что дышит...
До весны полглотка из стакана со льдом —
Наших снов береговые линии!
Я, конечно, вернусь с новой песнею в дом...
Позови меня только по имени...
А пока эта песня не песня, а стон!
Мы еще не разлей вода...
На снегу тает роспись: «Джонатан Ливингстон.
С любовью к тебе навсегда!»

Луна в кольце Посвящается Дар Инь

Уж год прошел, а мы с тобою вместе.
Пройдет другой – не разлучиться нам.
Замыслил о тебе как о невесте,
Знать, под венец пойду с тобою в храм.

Храни меня – свой талисман нательный,
С душою, полной счастья и тоски...
У ног твоих прошу твоей руки!
Владей мной, милая, как я тобой, – владей мной!

Луна в кольце, свеча в воде соленой,
Лицо в цепях тумана синих гор...
Ты стала для меня одной иконой
Средь многих, вдаль смотрящих на простор...

Простер ладони мой костер к ресницам
Заиндевелых от мороза глаз...
Храни меня! Я горный твой алмаз,
Который вовремя вернется к черным птицам.

Окутай, закатай меня в снега
Крещенских и рождественских наречий...
В кольце златом всех новобрачных вече

Венчает колокольчик и рога!

Уж год прошел. За ним другой проходит...

И вечный круг замкнется при луне...

И все вернется... Помни обо мне,

Когда метель на сердце хороводит!

Угрюм-Река

Все люди в чем-то очень схожи —
В своем начале и конце,
Когда они на смертном ложе
Вдруг вспоминают о Творце...
Несется степь перед глазами
Широкой русской тоской,
Где лик Твой на иконах замер,
Где бабка крестится клюкой...
Суди заговоренных ухом
Обетованною землей,
Где эхо, словно жертва духам,
Поет на арфе золотой!
О песнь судьбы, ты так сурово
Глядишь из-под тяжелых век...
Пропой хотя бы одно Слово,
Как схож с Тобою человек!
Молчанье золота дороже,
Дорожка стелется у ног...
Все люди в чем-то очень схожи
В начале и в конце дорог...
Несется степь, болота, топи...
Куда? Зачем? А посреди
Нас баба каменная топит
Живьем в раскосые дожди...
Коса до пояса, босыми

Ногами топчет рыхлый грунт!
О степь, скажи мне мое имя
Ветрами половецких струн...
Коснись чела, я тень от тени...
Венч! Венч! Венчальная свеча!
Вот перстень роковых сплетений,
Вот плеть, что плоть роднит сплеча...
Плачь! Плачь, Долина первородства!
Лей, ливень! Пей, Угрюм-Река,
Зарытых в память на века
Людей, с которыми есть сходство...
Несется степь перед глазами,
Вода плескается в горсти...
С Тобой мы схожи образами
В начале и в конце пути...

Голубь

Помолись за меня, я в смятении...
Третий день не могу разобрать,
Отчего так тревожные тени
Беспокоят мою благодать?

Клонит в сон безмятежные очи
По исходу бессмертной души...
Не пророчь мне бессонные ночи
И бездарных стихов не пиши...

Ах, как больно дышать, не смея
Полной грудью воды зачерпнуть!
Я похож на воздушного змея,
Что по звездам разматывал путь...

Разгадал я заветный клубочек,
До последней нитки промок...
По следам восклицаний и точек
Я скроил себе бархат дорог...

И теперь в этой пестрой одеже
Буду мерить дорогу вглубь...
Мне тебя нет на свете дороже,
Голубь мой, помолись, приголубь!

Третий день, не Христос я, не Лазарь —
Не воскрес я, не умер опять...
Помолись за меня три раза,
Помолись за мою благодать...

Не гадай мне гадюкой по звездам...
Бездорожье кругом и трава...
Только кругом идет голова,
Голенища задрал к райским гнездам...

Не гони ты меня в обитель,
Призрак злачных полей моих...
Закатай меня в бархатный китель,
Чтоб я русской песнею стих...

Клонит в сон, тяжелеют веки,
Заалела тропа берез...
Помолись за меня на реки
В благодати сусальных слез...

Великая красота Одноактный миф

«Тишина – украшение могил...»

Н. Антропов

Толпа:

Девчонка-смерть любила игры,
Поля некошеной травы...
Там были бабочки и тигры,
Там будут все – и я, и вы...

Она любила всех и всюду,
Где смертного застанет час...
И, словно хрупкую посуду,
Она на счастье била нас.

Она любила своих кукол,
Сосновый дом, дощатый крест...
А мальчик-жизнь ее аукал
Из этих заповедных мест...

Она была худа, но все же
Стройна, как вострая коса,
И на атласной ее коже
Сверкала райская роса.

Но смежив жаворонком веки,
Увековечены холмы...
И все стоят кресты-калеки,
Одетые в сугроб зимы...

А мы... Безжалостно лежали,
Не смея больше глаз открыть,
Под шубой ледяной скрижали...
А мальчик-жизнь аукал жить!

Мальчик:

Смерть, ядовитая, как жало,
Я слышу скрип твоих колес!
Отравленная кровь бежала
В объятия теплые берез!

Ау! Ау! Ты где? Ты рядом?
Забвением окружена...
Девчонка-смерть с февральским взглядом,
Не ты ли впредь моя жена?

Девочка:

Твоя жена стройна и строга,
Как первый снег, она бледна...
Она всегда одна – дорога,
Чье украшение – тишина...

Пади же, жизнь, в мои объятия!
Я пригублю твои уста...
Смотри, как дышит мое платье
От дуновения креста...

Устала я одной скитаться,
Быть украшением могил...
Позволь себе со мной остаться,
Со мной, чье сердце погубил...

Дом покосился мой от ветра...
Сломился крест, рук не разжать...
Мой дом врос в землю на два метра...
Теперь мне некуда бежать...

Мальчик:

Восстань! Восстань из клетки ада!
Иди за мной, моя жена!
И ты, и я – мы Божьи чада!
Смотри, как жизнь обнажена!

Твоя отравлена туника,
Объято ядом все вокруг!
Твое дыханье – повилика...
Целуй меня губами выюг...

(Целует)

Я костенею в когтях снега...
К тебе – с протянутой рукой...
Я слышу, как скрипит телега...
Я вижу море и покой...

И все же, как пуста повозка...
Дорогу отпевает пес...
И, словно голая березка,
Стоишь ты среди других берез...

Бери меня, я твой навеки,
Не смею больше глаз поднять...
Отяжелели мои веки...
За подаянием – благодать!

Девочка:

Беру тебя в свои объятия,
Желанный суженый супруг!
Твоя сестра – покой, а братья —
Кресты, что встали дружно в круг...

Мальчик (входит в круг):

Ау! Ау! Ты где? Ты рядом?
Откуда эта тишина?
Лишь вечность здесь с опавшим садом
Очами ввысь остеклена...

(Умирает)

Толпа:

Вот хор любви неразделенной —
Поистине печален и велик...
Где всяк живой стоит влюбленный
В девчонку, чей так светел лик...

Занавес

Бабье лето

Посвящается Дар Инь

Открой глаза! Пусть упадет ресница,
Пусть ветер подметет мою листву.
На этом свете я тобой живу,
Готовый заново в тебе переродиться.

Я август, лев, огонь и звездопад,
А ты сентябрь, на весах измеришь
Мои слова, которым не поверишь,
Когда я выжгу твой осенний взгляд.

Гляди! Гляди! Теснится грусть и смех,
Смешалось поле с грязью и цветами,
И наша кровь, как первородный грех,
Пульсирует, играет между нами.

А между нами пролегла тропа,
В упор не разгадавшая загадки,
Куда уйти от камня и рогатки,
Когда наполненность и пустота слепа.

Колышется под сердцем огонек,
Соприкоснувшись, как замок с ключами...
Открой глаза рассветными лучами,

Услышь меня! Я вот он весь – замолк.

А между нами вяжет пропасть мост
И осыпает пепел всех счастливых.
Так засыпает колос в Божьих нивах,
Когда мы слышим голос мертвых звезд.

Листва пожухлая пылает и поет...
На что ты мне дана, моя дорога?
На ней лишь двое – ты да я от Бога,
Лишенные души и плоти... Вот

Оплот всего, что держит крепкий дух
В нас, сопричастных таинствам Вселенной!
О жизнь моя! О смерть моя! Я пленный,
Идущий сквозь твой обостренный слух.

Услышь меня! Кругом стоят холмы
Глухонемых, слепых и прокаженных.
Я буду помнить соль очей сраженных,
Которых не оплакивали мы.

Пусти меня, пусти меня, изба!
Омой скамью горячими слезами...
Мой Бог замерз, когда твой Бог лишь замер,
Подобно имени, по образу избавь!

Открой глаза! Я корень и искра
Кривых зеркал, зарекшийся от света...

Гляди в меня, я вижу бабье лето
В осколках погребального костра.

Закрой глаза! Пусть упадет ресница,
Иссушит ветер с глаз долой слезу,
Из сердца вон я выбегу в грозу,
Готовый заново в тебе переродиться.

«На карту мира я поставил жизнь...»

На карту мира я поставил жизнь,
И жизнь твердила мне: «Разбей колоду!»
Сиянье разума пусть обретет свободу...
Ты только пой и за меня держись.
Держался я, как мог и как умел.
Соломинку стелил себе под брюхо...
Не взятая врагами крепость духа
В руке моей крошилась, словно мел...

Исход

Ты опора моя и стены,
Нескончаемая стезя!
Божьим хором грядут перемены,
Легионы скорбей разя!

Сонмы ангелов, в сон мы бесам!
Бесконечный круговорот —
Светлой Пасхой да темным лесом
Совершаем мы крестный ход!

Ход часов – часовой по кругу
Часослова Твоих границ.
Я снимаю земную кольчугу
Под небесную песнь колесниц.

Ты опора моя отныне,
Крепость духа на страже дня!
Не оставь посреди пустыни
На Исходе времен меня!

Продавец Пустоты

Завтра я куплю счастливый билет
В обратную сторону, туда куда нет
Дороги назад и дороги вперед...
Туда, где цветет северный лед...

Где распускается северный цвет...
В обратную сторону, куда больше нет
Дороги назад и дороги вперед,
Где сияние снов осеняет восход.

Там вечная осень – синица из рук,
Слепая, голодная стая ворон.
Воронка чернил, чертежей и икон, —
Как конь и стрела, как инок и лук...

В кривых зеркалах зарождается склеп
Ослепших от солнца, усопших от лун...
Счастливый билет – это ломаный хлеб
За ломаный грош, арабский скакун...

Неси своих мертвых в холодную ночь!
В кольчуге степей полыхают холмы...
Шатры ледяные... И северный коч
Стоит, индеев под шубой зимы.

Слияние рук и слияние рек.
Поставлены в круг свеча и цветок.
Купи кровь искупленных, мил человек,
За ломаный грош и кинь в кипяток.

Пусть пепел гуляет, и зреет зола...
Свеча и цветок – из веток венец...
Венчай меня, время, в свои купола,
Купай в молоке мою кровь, наконец...

Пусти пепел в поле, где ватные стены
Усеяны мертвою хваткой огня...
Согрей мои волосы, веки и вены,
Шатры ледяные согрей и коня!

Когтистыми лапами ночь из колодца
Озябшее солнце выносит на свет...
Оно на щите, словно смерть полководца,
Оно словно медь неотмеченных лет...

Счастливый билет – это гвозди в запястья!
Под камень лежащий вода не течет!
О глупое сердце – картонное счастье,
Кривых отражений обратный отсчет.

В кольчуге степей цепенеет закат —
Искусных дел мастер, слепой ювелир...
Слияния тел драгоценный карат,
Слияние рук, отмывающих мир...

Эй, зодчий времен, изваяй мне рассвет,
В обратную сторону, где я есть и ты.
Отныне туда мне последний билет,
Куда держит путь продавец пустоты...

Когтистыми лапами ночь на исходе...
Озябшее солнце простыло, как след...
Оно на щите, словно смерть в хороводе...
Оно словно... Не было смерти и нет.

Забывтый полк

Земля колышется под нами,
Над нами небеса горят.
Закат. Зенитки. Воздух. Пламя.
И неразорванный снаряд.

Еще немного – будет туго...
Еще тревожней и больней.
Огонь! Разрыв! И тело друга
Горит, как пух от тополей...

Налей мне, кореш, фронтовые
И закусить дай двадцать пять
Грамм хлеба – слезы полевые...
Ран пулевых не залатать.

Земля колышется и плачет.
Который день идут снега...
Идут часы, а это значит,
Войной пойдем мы на врага!

Черед настал! «Катюши» к бою!
Что, Катька? Запевай куплет!
Мы на два голоса с тобою
Смерть встретим песней, как рассвет!

Встречай меня, слепая пуля!
Ты дура! Что с тебя мне взять?
Целуй меня, пока не сдули
С меня живую благодать.

Я отомщу врагу за друга!
Товарищ, верь в меня и пой!
Катюша, бей! Огонь! И выюга
Покоем станет нам с тобой...

Земля колышется в осколках...
Звон колокольнями кольнет
Сердца людей на книжных полках,
И память снова призовет

Забывтый полк последней боли,
Шинель закинув на закат...
Отсыпь мне, друг, немного соли
На раны... Пусть они болят!

Настанет час – победокурим
На празднике, не на войне!
Дорога! Май! Победа! Курим!
И тополя стоят в огне!

«Услыши меня, мати моя!..»

Услыши меня, мати моя!
Услыши меня, отче мой!
Это моя поступь домой...
Это моя песня и я...

Дева Богородица, радуйся!
Солнце! Солнце! Луна! Луна!

Услыши меня сердцем, сестра!
Услыши меня болью, брат!
Встречай меня солью, закат!
Встречай меня хлебом костра!

Дева Богородица, радуйся!
Солнце! Солнце! Луна! Луна!

Услыши меня, бабка и дед!
Услыши мой голос, родня,
Через сито световых лет,
Господи, услыши меня!

Дева Богородица, радуйся!
Солнце! Солнце! Луна! Луна!

Услыши меня, песня моя!

Услыши меня, Солнце, Луна!
Завтра стану деревом я,
Под которым речка без дна...

Дева Богородица, радуйся!
Завтра стану деревом я!

Не руби под корень, костер!
Да не вешай крону на крест!
Мост над бездной – ветви сестер
Через вопль гибельных мест...

Дева Богородица, радуйся!
Завтра станет кровью вода!

Не губи, глухая стена!
Стынет в жилах слепая орда!
Слепит Солнце! Луна! Луна!
Завтра кровью станет вода...

Дева Богородица, радуйся!
Я с тобой отныне всегда!

Краеугольный ребенок

Я вижу великий океан!

Я вижу великий океан!

Я вижу великий океан!

Я вижу великий океан,

Я чувствую солнце в ладони моей,

Идущий извне сквозь туман —

Краеугольный ребенок камней.

Я вижу великое солнце!

Я вижу великое солнце!

Я вижу великое солнце!

Молчание – в игольное ушко,

Невидимой нитью несвязанных слов,

Крепче всех мировых основ,

Выше, чем когда сокол парит высоко.

Я вижу великую луну!

Я вижу великую луну!

Я вижу великую луну!

Прыгай, сердце, вверх-вниз и снова

По кругу: вверх-вниз, вверх-вниз!

Я религия сна, идущая из

Глубины последнего слова.

Я вижу великий праздник!
Я вижу великий праздник!
Я вижу великий праздник!

Я вижу прилив и отлив,
Танец смерти – семь пядей во лбу,
И невесту в небесном гробу,
Лежащую в свадебном платье из ив.

Я вижу великий погром!
Я вижу великий погром!
Я вижу великий погром!

Я вижу великий погром,
Деревянное сердце в ладонях огня...
Я знаю Идущего сквозь меня,
Сквозь туман мой и гром.

Я вижу великую праматерь!
Я вижу великую праматерь!
Я вижу великую праматерь!

Здравствуй, сокол мировых колоколен!
Ты слышал шум океана и течение лет.
Краеугольный ребенок твой болен
Коленями в угол, глазами в рассвет.

Я вижу великого праотца!
Я вижу великого праотца!
Я вижу великого праотца!

Сочится, печется на солнце вода!
Если магия – в кровь, по бумаге я – вкривь.
Береговая линия в медный отлив
Затопила мои города.

Я вижу великий Вавилон!
Я вижу великий Вавилон!
Я вижу великий Вавилон!

Вавилонская башня во мне!
Если магия – в кровь, значит, все вкривь да вкось.
Открой мои двери, Идущий извне,
Всех религий сквозь...

Я вижу великий океан!
Я вижу великий океан!
Я вижу великий океан!

Я вижу великий океан на колесницах волны,
Я чувствую затмение в несмелой руке,
Я вижу тень солнца и тело луны,
Упавшее замертво вверх по реке!

Я вижу великую даль!
Я вижу великую даль!

Я вижу великую даль!

Безмолвие помнит игольное ушко

Невидимой нитью несвязанных снов.

Идущий извне – сокол сказанных слов

Взмыл в сонное небо, сквозь дух – высоко!

Третье пространство

По дырявым мыслям в ржавый котелок,
Что рассыпал и пошел пугать врагов...
Кирпичами красными с трех букв
Трехэтажным матом обложил.
Выложил шатер забытых строк.
Выложил помостом остров снов.
Обнажил живой из ножен звук.
Пошатнулся мертвый и ожил.

На заплаканных щеках старела мать,
На заляпанном стекле застыла ночь...
Распустила дочка волосы рекой —
Обернулось воскрешением, как всегда.
Восковых свечей течение — вспять.
Восковых фигур горенье — прочь.
Оплывали в неприкаянный покой.
Пошатнулась мертвая вода.

Потушили мост гвоздями звезд,
Утонули в ледяном ключе,
По дырявым мыслям вышли вон.
За оградой наградили грудь
Веником венков и в полный рост
Выключили свет в живом луче.
Погасили скважину икон.

Пошатнулся мертвый в дальний путь.

Пошатнулся мертвый и пошел.
Обронили две монеты мокрых глаз.
В глиняной копилке – алчность рук.
Трижды плюнул через левое плечо.
Трижды стало очень хорошо.
Трижды пошатнулся медный таз.
Трижды свечи замыкались в круг.
Лишь однажды стало горячо.

На морозе обложил язык
Ледяным ключом, клочками язв.
Зазывала дудочка в апрель
Дурачка на пир во время крыс.
Время и пространство были встык.
Стол ломился от питья и яств.
И звучала чертова свирель.
Мертвый пошатнулся вверх и вниз.

Щелкал семечки нечищенных ворон,
Что клевали небо в струпьях дня,
Когда в память стали зарывать
Боль избушки от избытка чувств.
Сторожила башня небосклон.
Ворожила жизнь у огня
Старая заплаканная мать
Дочь свою в пустыне тесных уст.

Пошатнулся мертвый наугад.
Две монеты в месяц мокрых глаз
Покатились колесом под стол, —
Время и пространство шли вразрез.
Гладкий пол в полжизни под закат
Кутался в шаги. И пробил час, —
Пошатнулся мертвый и пошел.
Пошатнулся мертвый и воскрес.

Духовный Стих

Посвящается Андрею Безымянному

Прости мне грехи мои тайные, Тайный.
Прости мне грехи мои явные, Явный.
Они пред Тобою явлены, как сор по углам,
Где молятся такие, как я, ослушники.
Сижу вот, чайком балуюсь,
По крепости духу спертому,
Да корочкой черствой, сытною.
Свой угол коленками мучаю
И совесть горохом немолотым
Подпираю от случая к случаю.
Я стану Твоим золотом!

Прости мне грехи мои тайные, Тайный.
Прости мне грехи мои явные, Явный.
Они пред Тобою явлены,
Как соль на пороге Вечности,
Где стены становятся клинышком —
Не журавлиным, а сколотым
Колышком в сердце сыром.
Ты станешь моим Золотом!
Я буду Твоим серебром!

Прости мне грехи мои терние, Путь.

Прости мне грехи мои терпкие, Истина.
Прости мне грехи мои тельные, Жизнь.
Горюх, что грехи мои острые,
Напоминает о Тайном мне,
Напоминает о Явном мне.
Все тайное станется язвою
Пред Явленным мне, уязвимою
Раскаяньем и Прощением.

Прости мне грехи мои тайные, Тайный.
Прости мне грехи мои явные, Явный.
По милости рук и по кротости
Взрасти во мне древнее Дерево.
Всех заперли в Древе вчера и сожгли.
Говели и люди, и свечи.
Я стану горстью Твоей земли.
Ты будешь моим междуречьем.

Прости мне грехи мои тайные, Тайный.
Прости мне грехи мои явные, Явный.
Восстань из проруби передо мной,
Как сонм света во сне перед тьмой,
В убитую нами ночь.
Помяни Своих мертвых в гробах их.
Вспомни Своих живых в домах их жилых.
Вложи Свою Пасху в блудную дочь,
Вложи Свою Пасху в блудного сына,
Смертию смерть поправ, смертию смерть...

Я Твоя грешная глина.
Я Твоя мертвая медь.
Ты моя Тайная Вечеря,
Незримое золотом зреть!

«Я видел, Солнце затмевало!..»

Я видел, Солнце затмевало!
Затмение длилось два часа.
И в чаше черного овала
Тонули взглядом небеса...

«Прошла веселости весенняя пора...»

«...А что мертвые воскреснут, и Моисей показал при купине, когда назвал Господа Богом Авраама и Богом Исаака и Богом Иакова. Бог же не есть Бог мертвых, но живых, ибо у Него все живых» (Лк 20:34—38)

Прошла веселости весенняя пора...
Пора мне собираться в путь-дорогу...
И жметя старый пес и лижет ногу,
А за порогом ждут меня ветра.

Мой добрый друг, прошу тебя, не вой!
Вдова, в дорогу провожать не надо...
Часы молчат который год! Лампада,
Не плачь по мне, не надо... Я живой!

Жива и ты, согбенная изба,
И старый пес, что пел луне когда-то
От самого рассвета до заката...
Мой голос тоже сорван, как резьба...

Здесь только ветер – пьяный хулиган,
Чьи выходки достали до печенок...
В ладонях цепких прячется галчонок,
Напоминая мне пустой стакан...

Он выпит мной от страха и тоски
На посошок по русскому обычаю...
Рассвет вошел за мной и кровью бычьей
Помазал все дверные косяки...

Спасибо и на том до самых звезд!
На чем стою, глядишь, на том и лягу...
Стакан разбит, охолонивший флягу,
И, словно флаг, я поднимаю тост

За тех, кого призвали в добрый путь,
За тех, кому смотрели вслед рассветы,
Кому дул ветер бронепробойный в грудь,
Сдувая мясо всех живых с планеты!

Вдова, ну что ты плачешь? Не вопи!
Зарыт мой старый пес... Пусть мои кости
Напомнят людям, что мы только гости,
Разбросанные ветром по степи...

Пройдет веселости весенняя пора...
Пройдет и это в бранные пожитки...
Жизнь, как игла, и люди ее – нитки,
А смерть – залатанная черная дыра...

Лебединая песня

Твои слова засели глубоко...
Твое письмо лежит в моем конверте...
Я буду помнить о тебе до смерти!
Прощай, любимая! Мне будет нелегко...

Ты парусами не держи мои ветра!
Лети, конверт, навстречу переменам!
Отравленная кровь течет по венам...
Прощай, любимая! Мне уходить пора...

Ты песня лебединая моя,
Что запечатана в бумажном черном свитке...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.